

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы

English version: [Kornilova T.V. The uncertainty principle in psychology: foundations and challenges](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассмотрены представленность категории неопределенности в методологии науки, в том числе психологии, и основания понимания самопричинности действий и мышления человека. Самопричинность трактуется в связи с допущением неопределенности, в контексте идей М.К.Мамардашвили по обоснованию неклассического идеала рациональности в противопоставлении классическому варианту принципа причинности и идее индетерминизма. Раскрыта роль принципа неопределенности в преодолении редукционизма в психологии. Показано, что толерантность к неопределенности, открытость и незаданность регулятивных профилей любого выбора, произвольных и самоопределяемых действий являются основными условиями активности человека в современном мире.

Ключевые слова: методология, категория неопределенности, классическая и неклассическая рациональность, детерминизм

Развитие новых подходов в методологии психологии иногда отражает, а иногда и опережает становление таковых в философии науки. Использование обобщений, сложившихся в других областях знания, может выполнять *эвристическую* и *продуктивную* функцию в психологии, но может вести и к *редукционизму*. Это в полной мере относится к становлению принципа неопределенности в психологии. Признание того, что одним из ведущих в науке сегодня становится принцип неопределенности, трактовка которого развивается в философии науки в связи с переходом к изучению сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся систем, не является основанием связывать его с развитием мира психологических теорий. Но в психологии необходимость обращения к этому принципу имеет собственные конкретно-научные предпосылки, связанные с переосмыслением психологической причинности и понимания свободы человека при решениях и действиях в сложном изменяющемся – неопределенном – мире.

Важным аспектом перехода к неклассической картине мира стало рассмотрение изменений в понимании принципа причинности, а именно пересмотр проблемы построения знаний о мире при включении сознания в единый континуум с бытием и в процесс познания – человека как «непрозрачного» Наблюдателя, задающего неопределенность как необходимую составляющую процесса и результатов познания [Мамардашвили, Зинченко, 1977; Рубинштейн, 1957]. Рассмотрим общие основания перехода от принципа причинности к принципу неопределенности.

Неопределенность в общенаучной методологии

Оценка обращения к категории неопределенности оказывается связанной с проблемой *методологических заимствований*, рассмотренных в отношении принципов *дополнительности* и

неопределенности, сформулированных в первой трети XX века и изменивших физическую картину мира вследствие раскрытия закономерностей микромира при формулировании квантовой теории. Именно с этим периодом связывается научная революция, в ходе которой был выдвинут новый – по отношению к классической картине мира, характеризовавшей стадию классической науки, – неклассический идеал рациональности [Мамардашвили, 1984; Степин, 2000]. Вслед за возникновением неклассической науки философия стала осмыслять изменения *тупа рациональности* как определенной «онтологии ума», стоящей за представлениями о критериях научного знания. Для классической науки эти критерии предполагали ориентировку построения научного знания как объективного на классический «идеал рациональности». Он был связан с тем пониманием принципа причинности, который сложился в естествознании и благополучно просуществовал до проникновения физиков в законы микромира, когда развернулись споры о природе неопределенности, и принцип неопределенности был связан с принципом дополнительности (в обсуждении проблем полагания причинности в законы микромира или его познания).

Но в последней четверти XX века дополнительность стала связываться в философии психологии с представлением о дополнении положений одной теории завоеваниями другой. То есть психологи «освоили» изменения в методологии физики на свой лад, сформулировав принцип дополнительности теорий [Психология и..., 1993]. Неопределенность как понятие стало использоваться совсем в других значениях, чем это задавалось идеями исследователей микромира, в частности физика В.Гейзенберга[1].

В рамках квантовой механики принцип неопределенности означает количественное соотношение, связующее воздействие измерительного средства на объект измерения, причем в рамках допустимой его величины (так называемая постоянная Планка), и допустим только по отношению к микромиру, но не к классической картине макромира.

Принцип дополнительности – это никак не принцип дополнительности теорий, как и неопределенность – не мера хаоса. Если учитывать это, то следует признать, что психологи часто подкрепляют свои воззрения собственной же мифологией, а отнюдь не декларируемой опорой на новейшие достижения в построении картины мира, конструируемой новейшим естествознанием [Завершнева, 2001, 2002].

В контексте разработки представлений о применимости к психологии идеи стадильности развития наук (В.С.Степин), с изменением критериев рациональности (Ю.Козелецкий, Г.Саймон, М.Мамардашвили) и формулированием проблемы полипарадигмальности психологии (С.Д.Смирнов, А.В.Юревич) в методологии психологии стал рассматриваться *принцип неопределенности*. Сначала – в его представленности в физических теориях, потом – после демонстрации Е.Завершневой неправомерности методологических заимствований – в поисках его психологических обоснований. Дискуссии о критериях прогресса и регресса в современной психологии имели такое продуктивное следствие, как новые постановки вопросов на старые темы [Прогресс психологии, 2009]. Они способствовали в том числе и размышлениям о том, что может быть противопоставлено принципам системности и детерминизма в обновляющемся теоретическом мире психологии. Другим источником переформулирования роли тех или иных методологических принципов остаются сами психологические теории, структуры которых изменяются в силу поиска преодоления ограничений в классических вариантах раскрытия и понимания сути психологических закономерностей. Истоки формулирования принципа неопределенности можно находить не только в гносеологических, но и в онтологических контекстах.

Бытийные основания принципа неопределенности

Рассмотрим основной исторически сложившийся подход к онтологизации принципа неопределенности как условия человеческого бытия. Истоки признания неопределенности как специфики бытия именно человека в мире обнаруживаются – без всяких дополнительных

оснований – уже в философии Р.Декарта, точнее, в его образе Бога, мира и причинности в нем.

Как известно, он полагался на идею невозможности непрерывного творения (онтологическое доказательство Августина Блаженного и Ансельма Кентерберийского). Идея непрерывного творения мира не выдерживает критики с точки зрения постулата, что не может быть ничего совершеннее божественного промысла. И нельзя представить, что Бог сотворил мир, а потом улучшал его. Бог не может себя улучшать, он Логос, для которого не могут быть установлены лучшие образцы, чем он сам. Значит, Бог лишь поддерживает однажды сотворенный мир, и причинность в нем действует уже без божественного промысла. (Это к тому, что Бог еще и не играет в кости, как подчеркивал А.Эйнштейн.)

Но человек – не Бог. И в своей реальной жизнедеятельности он отвечает не на указанный метафизический вопрос (это происходит лишь на определенных этапах, когда живые акты мышления становятся самоценностью и вопросы осмысления бытия выдвигают на первый план его самосознание). Человек реализует деятельностно опосредствованное взаимодействие с миром (предметным и социальным, миром людей и миром идей). Сознание же, пущенное в этот мир (в концепциях С.Л.Рубинштейна, М.К.Мамардашвили), не только самопричинно. Психический образ, как учит классика деятельностных подходов, есть средство ориентировки человека в мире, как бы ни понималась смысловая нагрузка «цели» жить. В экзистенциальных подходах поиск смысла жизни входит в конструирование понимания преодоления неопределенности человеческого бытия. В информационных подходах выделяется другой аспект жизни – информационного обмена, или взаимодействия.

Р.Эшби дал в свое время определение информации как того, что изменяет неопределенность и может быть средством ее измерения [1959]. Информационный подход и компьютерная метафора в психологии выполнили свою эвристическую роль, дав основания ряду психологических школ, объединяемых сегодня понятием когнитивизма (и представлением о первой когнитивной революции в психологии). Но при этом то бытие, аспектом которого и выступает информация, а именно материально, биологически и социально, культурно-исторически определяемые процессы жизнедеятельности человека, вышло из обсуждаемых контекстов преодоления неопределенности.

Формализация информационных процессов сделала возможной кибернетику и создание информационных технологий. Но формальный подход к пониманию информационных «кодов» позволил также создать видимость решения психофизической проблемы (в подходе Д.И.Дубровского). И понадобилась специальная аргументация, данная Э.Ильенковым в его статье «Мозг и психика», чтобы на основе понимания трансляции идеального посредством форм деятельности обосновать несводимость идеального к индивидуальному сознанию.

Каждодневные решения человека, конечно, опосредствованы информационно. Но это лишь один из аспектов, другие представлены категориями *разумности* и *рациональности*, которые как в философском, так и в психологическом понимании отнюдь не сводятся к информационной ориентировке (во внешнем мире или внутреннем). Человек разумный, как и человек «почвенный» (о двух истоках понимания рациональности как разумности см. сб. [Персональность, 2007]), непрерывно «заняты» процессами целеобразования, принятия решений и другими формами самоопределения, без которых не может решаться вопрос их онтологического присутствия в этом – предметном – мире. О самоопределении человека в мирах иных не говорят и те, кто разделяет идею божественного творения; даже готовясь к переходу в мир иной, человек отвечает за эти предуготовления в мире здешнем.

Какова бы ни была картина мира и человека в нем, с человека не снимается ответственность за его собственную жизнь, за те каждодневные решения (включая обыденные и судьбоносные), которые он принимает. Принятие же решений (под другими названиями – свободное волеизъявление, самоопределение) необходимо именно потому, что бытийно заданы условия неопределенности (не

будем пока говорить об отличиях объективных и субъективных ее репрезентаций). Итак, суть человеческого бытия – постоянное преодоление неопределенности, незаданность любых форм и оснований его решений и действий.

Советский философ Э.В.Ильенков в своей работе «Космология духа», написанной в 50-е гг. и опубликованной только через много лет после его смерти, возможно, впервые дал то философское обоснование роли разумных существ во Вселенной, которое позже встречалось в философии без ссылки на него. Согласно его гипотезе, разумные существа (человек благодаря его разуму, который позже был понят как надьиндивидуально определяемый такой объективной действительностью, как деятельность) противостоят энтропии во Вселенной.

Если же вернуться к регуляции деятельности применительно к индивидуальному субъекту (носителю разума), то следует признать, что неопределенность характеризует не только условия выбора им идей, действий, предметов и т.д. Неопределенность отличает критерии выборов, а значит, основания предпочтений; если они определены, их можно формализовать и отъять от субъекта, лишив его тем самым акта выбора как преодоления неопределенности. Неопределенность связана с вариативностью и неповторяемостью как условий, так и самих актов выбора, действия, мышления. Не повторяются не только движения (В.П.Зинченко), не повторяются одни и те же решения. М.К.Мамардашвили настаивал, что живое – в акте, в акте мышления или свершения (остальное – «мертвечина»).

Оснований психологического анализа факторов неопределенности может быть множество; часть из них рассматривается в современной психологии принятия решений, другая – в гуманистической, экзистенциальной (а теперь еще и позитивной) психологии. Так сложилось, что не когнитивная, а экзистенциальная психология выделила бытийный аспект неопределенности. Широко известна мысль В.Франкла о том, что человек может только притвориться, что у него нет выбора. С.Мадди рассматривал выбор в пользу неопределенного будущего как основание таких экзистенциальных решений, которые ведут к душевному и соматическому здоровью [Мадди, 2005].

Человек творит себя своими поступками. Поступок – это самоопределение – преодоление неопределенности – на уровне нравственных ориентиров. Нравственный аспект бытийных выборов подчеркнул В.П.Зинченко [Зинченко, 1997]. Они, если брать аспект длящегося поступка, принимают вид подвижничества или злодейства. Таким образом, временной аспект может существенно различаться в актах – или их длящихся непрерывностях, – но в любом случае имеет место непрерывное творение человеком себя и своей жизни.

В заключение отметим, что старая проблема – ситуационизма и диспозиционализма в психологических объяснениях – в контексте рассматриваемого бытийного аспекта принципа неопределенности приобретает новое звучание. Дело в том, что человек сам заранее не знает, будет ли он поступать «по ситуации» или в соответствии с тем, что А.Бергсон называл всем *предшествующим путем развития личности*, который и делает выбор не столько «свободным», сколько им предопределенным [Бергсон, 1992]. Открытость и незаданность регулятивных профилей любого выбора, произвольных и самоопределяемых действий человека – условие его деятельностных и внедеятельностных форм активности [Корнилова, 2003]. И их раскрытием занималась как отечественная психология, так и другие психологические школы.

Категория неопределенности в методологии науки и в психологических исследованиях

В философии и гуманитарных науках принципу *детерминизма* издавна противостоял принцип *индетерминизма*, связанный с признанием свободы воли человека и произвольности выдвижения им целей. Научная революция, позволившая включить принцип неопределенности в построение

картины мира, а также его философское переосмысление в связи с идеей стадильности развития идеалов рациональности, казалось бы, предлагала психологии освоение этого принципа с позиций общенаучной методологии. Но анализ мира психологических теорий и исследовательских парадигм в самой психологии позволял утверждать, что психология имеет собственные источники «неклассических ситуаций», они отличаются от рассматриваемых в методологии естествознания.

Открытость человека – то радикальное отличие, которое не позволяет проводить прямые аналогии в возникновении неклассических ситуаций в рамках физики и психологии. Для психологии такой неклассической ситуацией становится, например, изучение регулирующей функции эмоций или структурирующей функции мотива в мыслительной деятельности [Тихомиров, 1969], что в классической психологии рассматривалось бы как невозможная проблема, поскольку аффект и интеллект описывались как исключаящие друг друга психологические реалии. Идея единства интеллекта и аффекта была обоснована в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, которую в 1981 г. Д.Б.Эльконин назвал неклассической психологией.

В 1969 г. немецкий ученый Г.Хакен ввел понятие *синергетики* для обозначения направления, изучающего процессы *самоорганизации в физических, химических и биологических* системах. Саморегулирующиеся и самоорганизующиеся системы стали рассматриваться также в изучении социального мира. Это пример того, как принципы познания, разработанные в одной из областей знаний, посредством их осмысления на уровне общенаучной методологии приобрели более широкое звучание и были включены в методологические ориентиры других – гуманитарных – наук. К настоящему времени синергетическими исследованиями называют междисциплинарные проекты, в которых изучаемые нелинейные открытые процессы рассматриваются в общенаучной модели перехода систем от *хаоса* к порядку.

Психология строилась на основе разработки других категорий (деятельность, сознание, мотив и т.д.), и в них развивался иной принцип самоорганизации – самосознания, единства (при многоуровневости) «я» человека. Но разработка принципа единства сознания и деятельности, рассмотрение становления и функций психического образа в рамках деятельностной парадигмы (в школе А.Н.Леонтьева) позволяют считать, что психология изначально рассматривала в качестве своего предмета саморегулируемые системы. Однако психологические реконструкции специфики сознания человека – при любых психологических подходах – заведомо не предполагали его интерпретации в более абстрактных (и, значит, не отражающих эту специфику) общенаучных терминах.

Существенный шаг в сторону понимания *саморазвивающихся систем* как исследовательской парадигмы был сделан лидером брюссельской школы междисциплинарных исследований И.Р.Пригожиным, который проанализировал нелинейный характер мышления в науке и искусстве и обосновал новое понимание принципа детерминизма, включающего телеономичность, то есть целевую составляющую, в анализ развития этих систем с точки зрения преодоления хаоса.

В работах этого нобелевского лауреата[2] идея неопределенности как ведущего *принципа бытия*, а не только познания, была разработана применительно к макромиру, где законы природы описывают уже не регулярные ньютоновские орбиты, а хаотические движения, нерегулярности, описываемые понятием «детерминированного хаоса». *Неопределенность* как характеристика развития макросистем выступила в новой трактовке понятия: сдвиг равновесия в неустойчивой системе приводит к тому, что из множества возможностей развития системы реализуется лишь одна, что означает необратимость развития системы и ведущую роль случайности в факторах, которыми будут направляться те или иные изменения[3]. Такое понимание связано уже с идеями, отличающими постнеклассическую стадию развития науки.

Причем за ними не следует видеть только постпозитивистские трактовки. В частности, в иной методологической разработке – эволюционного подхода – проблема необратимости

изменений мира человеком (идея «планетарного» человека) представлена в концепции Н.Н.Моисеева. Здесь решения самого человека, который может поставить на повестку дня катастрофу планетарного масштаба, рассмотрены как основания необратимости развития и необходимости включения аксиологического контекста в понимание этой необратимости и роли свободных действий людей в мире.

После публикации на русском языке работ И.Пригожина обращение к проблематике самоорганизующихся и саморазвивающихся систем стало уже обязательным общим местом в характеристике специфики психологических систем, как и анализ роли постпозитивистской философии, культурологии, изменений в парадигмах естественнонаучного и гуманитарного знания в контексте обоснования постмодернистской картины мира [Гусельцева, 2007 и др.].

Итак, на рубеже XX–XXI веков в философии науки было обосновано новое понимание принципа *индетерминизма*, положившего «конец определенности» на основе «объективистской интерпретации вероятности» и распространении закона возрастающей энтропии (второго закона термодинамики) на эволюционное описание саморазвивающихся систем. Можно спорить о том, где именно зародился принцип неопределенности, который в науке XXI века стал не менее значимым, чем принцип детерминизма. До работ Пригожина он иным образом обсуждался в философии М.К.Мамардашвили (его «лямбда» понимания). Можно обсуждать различие в трактовках этого принципа в естественнонаучном познании и в психологии. Но нельзя не замечать, что понятие неопределенности стало сегодня также включенным в принципы, раскрывающие специфику организации психологических теорий и исследований.

Кроме возникающего в силу «непрозрачности» субъекта наблюдения зазора в познании, предполагающего принятие неопределенности как условия построения знания, в концепции Мамардашвили важной составляющей картины мира становится идея *многоуровневости сознания* человека и его *самопричинности*, что ведет к представлению о самоопределяемости человека. Многомерность сознания порождает в этой системе такие эффекты взаимодействия «многообразных слоев», что они не могут быть положены в единую цепочку причинной связи в реальном времени и пространстве. Эти «эффекты системности» означают следующее: многообразные слои срабатывают вместе и мгновенно, а состояние системы сворачивает и упаковывает себя (или разворачивает) в одновременно срабатывающую иерархию слоев. Это не может быть понято наглядно и предполагает отказ от классического понимания рациональности. «Их онтологический статус непредставим в предметном языке» [Мамардашвили, 1984, с. 76].

Отметим также, что невозможно и их структурно-функциональное рассмотрение, как то предлагается принципом системного анализа в другом его варианте, восходящем к работам Л. фон Берталанфи и наиболее полно освоенном в отечественном методологическом подходе Б.Ф.Ломова [1984]. Именно этот вариант наиболее известен психологам в рамках разработки принципа системности. Он занимает достаточное место в учебниках, представляющих систему принципов в психологии [Петровский, Ярошевский, 2003]. В нем нет основного отличия системной причинности – представления о необходимости той избыточности, которая характеризует мир деяний человека, и того естественно-исторического бытия «третьих вещей», посредством которых человек и ориентируется в мире, где действует причинность, включающая его собственные преобразующие действия.

Тот факт, что принцип неопределенности не является для психологии новостью, был проанализирован В.П.Зинченко в историко-психологическом контексте применительно к проблеме субъективности объективного и объективности субъективности и т.д. [Зинченко, 2007]. Он апеллировал, в частности, к тому, что психология изначально имела дело с разбросами параметров, измерялись ли пороги чувствительности, времени реакции, траектории движения или интеллектуальных способностей. Столь же неуловимыми и многозначными регуляторами для них оказывались влияния со стороны факторов наследственности и среды, внешних и внутренних

условий [4]. Проблема смысла – в психологических постановках вопроса о свободе выбора – стала рассматриваться в многообразии его путей, что включало полагание многоуровневости и саморегуляции в анализе поступков и решений человека. Неопределенность стала одним из важнейших понятий в работах, в которых на первый план выдвинуты проблемы самодетерминации и саморегуляции человека, существенно углубляющие представления об активности субъекта [Субъект и личность, 2007], в том числе и на основании развития проблем саморегуляции с позиций культурно-исторической концепции [Корнилова, 2009].

Психологами в исследованиях мышления и риска было введено различие объективной и субъективной неопределенности [Корнилова, 2003; Тихомиров, 1969], неопределенности как связанной с ситуационной и личностной регуляцией принятия решений [Козелецкий, 1979; Канеман и др., 2005], толерантности-интолерантности к неопределенности как важнейшей психологической характеристике бытия человека в современном мире [Корнилова, 2010; Психодиагностика..., 2008]. Это истоки формирования принципа неопределенности в самих психологических исследованиях, выдвигающих это понятие в контексты формулирования новых предметов исследований и новых типов объяснительных принципов в психологии.

В психологии принятия решений было сформулировано представление о принципиальной открытости динамических регулятивных систем выбора, противопоставляемых жестким моделям [Корнилова, 2005]. Основами разработки новой методологии в изучении психологической регуляции свободы выборов человека – как исследования одновременно личностно и интеллектуально опосредствованных решений – стало переосмысление проблем соотношения детерминизма и неопределенности, деятельностного опосредствования и сознания, субъектной регуляции как личностных оснований выбора.

Идею совместимости принципов индетерминизма и реализма высказывал К.Поппер; и в этом обосновании «конца определенности» соглашался с ним И.Р.Пригожин. Раскачивать ли дальше в психологии качели определенности-неопределенности, детерминизма-индетерминизма – ответ на этот вопрос, как считает В.П.Зинченко, от нас, кажется, не зависит [Зинченко, 2007]. И дело не только в том, что не осмыслены пока соотношения неопределенности в мире природы и мире культуры, а в историко-психологическом контексте становление мира психологических теорий никак не может быть введено в единое русло монизма (разве что насильно, с тем критерием закрытого общества, о котором писал К.Поппер [Поппер, 1992] и которое советским вождем было введено в формулу «нет человека – нет проблемы»).

Дело в том, что самому разуму человека (в любых его трактовках – рации, рассудочности, интеллигибельной материи, гегелевского самопознающего себя-самого-в-самом-себе духа или др.) не может быть поставлено предела. И неопределенность в том, что будет им построено, снимает проблему ограничений в понимании психологических закономерностей.

Это добавление к тем проблемам в психологии деятельности и психологии творчества, которые также свидетельствуют о невозможности ограничивать психологическое познание раскрытием структур и прочих «определенностей» в их самоосуществлении. Идея избыточности психологической регуляции – другой поворот этой темы.

Отметим, как В.П.Зинченко соотнес понятия *разума* и *неопределенности*: «Его задача – решение проблем, которое состоит в расплавлении существующей определенности, превращении ее в плодотворный хаос, т.е. в увеличении неопределенности, а затем, если повезет, в достижении новой определенности, которой в хаосе самом по себе не содержится» [Зинченко, 2007, с. 31]. Тем самым (включая указанное единство с чувством) конструируется смысл.

Изучение смысловой регуляции мышления было выделено в качестве предмета изучения в отечественной психологии мышления в школе О.К.Тихомирова. Им же впервые было использовано

понятие энтропии для описания становления интеллектуальных стратегий человека [Тихомиров, 1969]. Апелляция к взглядам двух названных российских психологов, внесших важнейший вклад в развитие деятельностной и культурно-исторической психологии, свидетельствует о том, что проблематика неопределенности не должна связываться только с постпозитивистскими взглядами или постнеклассической картиной мира.

Таким образом, принцип неопределенности не следует понимать как привносимый в психологию извне, пусть и посредством общенаучной методологии. Его включение в перечень основных методологических принципов психологии диктуется изнутри – развитием самих способов построения психологических теорий, изменений их структур. Особую роль он может сыграть как основание противостояния редукционизму в психологии. Психология осваивает принцип неопределенности в той мере, в какой он оказывается необходим для понимания (психологического объяснения) своей проблематики, где с этим принципом в первую очередь оказываются связанными исследования мышления и творчества (в регулятивном единстве интеллекта и аффекта), смыслообразования и самосознания личности (в регуляции свободных действий и свободы выбора).

Принятие неопределенности как антитеза монизму и редукционизму в психологии

Сам принцип детерминизма может быть рассмотрен как форма редукции неопределенности [Зинченко, 2007]. Изгнание из психологии в разные периоды ее развития то образов, то свободных действий, то свободы воли выступило именно вариантами редукции психического, осуществляемой в силу неподчиненности этих психических феноменов принципу детерминации. В последние годы сформулированы новые основания редукции психического, апеллирующие к системному подходу.

В отечественной методологии проблема построения психологического объяснения была тесно связана с проблемами специфики теоретических обобщений и их множественности в психологии. Множественность психологической причинности, а значит и необходимое многообразие теоретического мира психологии, еще приходится специально обосновывать [Корнилова, Смирнов, 2006]. В методологии психологии более полувека утверждалась идея, что необходимо искать единицы психического, в которых психологическая реальность не теряла бы своей специфики. Этот онтологический аспект был подробно представлен в учебном пособии Зинченко и Смирнова [1983]. Однако в последнее время у защитников единой марксистской платформы в понимании человека он стал основанием гносеологического обоснования «монизма». Историк психологии учит коллег диалектическому материализму и диалектическому мышлению, понятому как движение к единому взгляду на психику, возвращая к Гегелю и не считая необходимым учесть весь опыт развития самой психологии [Соколова, 2008], а также жалея, что вот раньше можно было казнить за инакомыслие [5], а теперь трудно (потому и думают плюралистично, и теорий слишком много).

Отметим, что Л.С.Выготский в работе об историческом смысле кризиса в психологии подчеркивал необходимость опоры в разработке научной методологии психологии не на основы диалектического материализма (как «науки самой абстрактной»), применяющего универсальные категории к частным явлениям, «внутренний смысл и соотношение которых неизвестно», а на основы исторического материализма. «То, как сейчас определяют, словно в пробирной палате, согласуется ли данное учение с марксизмом, сводится к методу "логического наложения", то есть совпадения форм, логических признаков (*монизм* [выделено мною – Т.К.] и пр.)» [Выготский, 1982, с. 421]. И чтобы реализовать марксистский подход, нужно искать «не решение вопроса психики», а «теорию, которая помогла бы познать психику» [Там же]. Эта теория и была разработана им и его учениками и последователями как *культурно-историческая концепция*.

Л.С.Выготский дал, по замечанию А.Юревича [2006, с. 105], одно из «определений века», характеризующее настойчивость психологов в поиске *единого объяснительного принципа* как

основы любых психологических объяснений объективной потребностью в нем и вытекающим из этого закономерным редукционизмом: «... и именно потому, что такой принцип нужен и что его нет, отдельные части принципа занимают его место» [Выготский, 1982, с. 309]. Юревич продемонстрировал при этом, во-первых, что потребность в таком едином принципе связана отнюдь не с его отсутствием, а с другими – методологическими – причинами, в частности, сжатостью пространства психологических объяснений запретом на различные виды редукционизма (сверху – социального, снизу – физиологического).

Во-вторых, он дал критику *форсированного монизма* в психологии, проявляющегося в поиске «единственно правильной» теории или ведущей категории в психологических объяснениях. «Единого объяснительного принципа нет ни в одной науке, а наука, объединенная вокруг такого принципа, выглядела бы очень догматично, нежизнеспособно и вообще больше напоминала бы не науку, а религиозный фундаментализм» [Юревич, 2006, с. 105]. Статья этого автора, предложившего идею *прогрессивного развития психологии на пути редукционизма*, вышла в «Психологическом журнале» в разделе дискуссий. Выдвинутое в ней положение о благотворном характере редукционистских объяснений в психологии намеренно пересекалось с идеей Выготского о благотворном влиянии кризиса в психологии. Тогда Выготским была выражена мысль о том, что кризис можно рассматривать и в позитивном контексте – как отрефлексированный вызов, задающий необходимость его *преодоления* [Выготский, 1982]. Можно считать, что соответствующая аналогия легла в основу предложения А.Юревича позитивно взглянуть на редукционизм.

При этом содержательное обоснование «благотворности» редукционизма было обосновано апелляцией к возможностям системного подхода: «... принцип системности, прошедший естественный отбор временем, радикальным изменением идеологического контекста и сменой ключевых фигур нашей психологической науки, может быть сформулирован в виде необходимости в психологии *многоуровневых объяснений, объединяющих разные уровни причинности*. Ведь психика – это не просто система, а суперпозиция, т.е. *взаимоналожение разноуровневых систем* – феноменологической, социальной, психофизиологической и др.» (выделено А.Ю.) [Юревич, 2006, с. 106]. Как следует из представленного нами ранее понимания многоуровневости в концепции М.К.Мамардашвили, сама трактовка связи системности и многоуровневости, выдаваемая Юревичем за единственную, таковой не является.

Постановка проблемы взаимопроникновения разных уровней причинности – сравнительно новая и достаточно сложная задача, в решении которой видится один из путей преодоления простых объяснительных схем, а точнее – *постулата непосредственности* во множестве его вариантов в понимании психологической причинности. Идея *многоуровневости* – как психологической реальности, так и обобщений в теоретических психологических объяснениях – развивается в современных концепциях в различных областях психологии. Но она совсем не обязательно предполагает выход объяснения за рамки психологических систем или взаимодополнительность психологических и непсихологических объяснений.

Нельзя смешивать системные представления как полагающие те или иные структуры в разные плоскости (и уровни) психологической реальности (эта онтологизация – единственно общее, что было в понимании психологических систем у таких разных авторов, как Л.С.Выготский и Б.Ф.Ломов) и как системное построение самих объяснений в психологии. Познавательный и онтологический аспекты в теоретико-эмпирическом исследовании далеко не совпадают, что можно было бы специально демонстрировать на примерах исследований в разных психологических школах.

Во «взаимоналоженных разноуровневых» причинных системах психологическим объяснением должна быть выделена его часть, имманентная предмету изучения. Выход же за рамки психологического объяснения – на основе принципов системности и дополненности (другой принцип, включаемый иногда в расширительные трактовки психологического объяснения – за

рамками психологических конструкторов и теорий) – трудно рассматривать в качестве критериев прогресса психологического знания, поскольку это означает размывание предмета психологии, возвращающее иными путями к редукционизму.

Принцип неопределенности может быть противопоставлен – в качестве ведущего в построении психологических объяснений – именно традиционной трактовке принципа системности и новой трактовке «необходимости» редукционизма в психологии.

Редукционизм не может рассматриваться как основной путь изменений в типах психологических объяснений. Во-первых, наличие редукционистских объяснений того или иного толка не решает проблемы оценки нередукционистских объяснений, которые накапливаются в психологии и требуют соотнесения с ними. Во-вторых, конкретные примеры, демонстрирующие валидность того или иного типа объяснений, и теории верхнего уровня не могут опровергать друг друга (иное дело – в эксперименте, с его принципом фальсификации). Третье возражение исходит из позиции, что методология частных наук может развиваться только в рамках понятий именно этой конкретной науки, а не быть привнесенной откуда-то (сбоку или сверху, но извне психологического знания).

Если исходить из этой позиции, то апелляция к объяснительным редукционистским теориям должна рассматриваться как регресс психологического знания. Сведение психологического объяснения к редукционистскому на основе апелляции к *другому уровню систем* (по отношению к которым можно определить психологические системы) возможно только на основе неразличения системного подхода в вариантах его развития как принципа *конкретно-научной* методологии и его понимания в *общей теории систем*. Если принцип системности многократно (и вполне мультипарадигмально) представлен в психологических работах и прекрасно работает и в другом частно-научном знании, то это не может служить основанием рассмотрения его как принципа, позволяющего смешивать выделяемые разными науками предметы изучения. Во всяком случае это требует специального обсуждения и не может служить объяснением «полезности» редукционизма.

Расширение категориального аппарата психологии и представление ряда ее теорий как перешедших на стадию неклассических – характеризующихся принятием неклассического идеала рациональности – разрушает перспективу построения единого объяснительного принципа в психологии. Множественность теорий и множественность принципов в построении психологического объяснения, то есть гносеологический контекст принципа неопределенности, – то, что можно противопоставлять идее редукционизма в психологии.

Заключение

Формирование нового принципа понимания мира, картины мира и человека в нем – *принципа неопределенности* – имело истоки и в преобразовании научных идеалов рациональности в философии науки, и в развитии в рамках самой психологии проблем детерминизма–индетерминизма, субъективного и объективного, и в построении новых по типу психологических моделей, включивших обращение к неопределенности и открытости в представления о психологической регуляции.

В заключение следует отметить, что принятие принципа неопределенности не означает отказа от тех методологических завоеваний отечественной психологии, которые сыграли в ней продуктивную роль. Это в первую очередь связано с освоением марксистской методологии. Другое дело, что, как показали работы Мамардашвили, апелляция к Марксу может идти и в иных направлениях, чем было принято в идеологическом монизме советского периода.

Принципы не выдумываются в науке, а обосновываются как необходимые основания обобщений. В методологии психологии принцип неопределенности сначала был положен в основу нового понимания *объективности* психологического знания, предполагающего отказ от классического

представления о Наблюдателе как не искажающем продуцируемое знание [Зинченко, Мамардашвили, 1977]. Сегодня он в большей степени касается построения предмета и объяснительных компонентов в рамках самих психологических теорий. Психология, обращаясь к неклассическим формам рациональности, вводит понятие неопределенности в любые ситуации развития человека и актуалгенеза любых видов его активности. При этом она оказывается перед необходимостью построения новых моделей психологических объяснений.

Функциональные органы, функциональные системы, неопределенные взаимодействия между интеллектом и аффектом, одновременность процессов многоуровневой регуляции решений и действий – эти концептуальные построения явно не могут быть вписаны в дедуктивно-номологические модели или интерпретативные схемы так называемых качественных подходов. Завоевание «непричинного взгляда на действительность», о чем писал М.Мамардашвили, в психологии происходит и как переосмысление типов психологической регуляции (и психологических законов), и как освоение новых феноменов и проблем, выдвигающихся на первый план именно в связи с категоризацией представлений о неопределенности.

Разорвать «порочный круг» объяснения психического (на основе разработанных в самой психологии принципов) апелляцией к многоуровневости, связываемой с выходом *за рамки системы психологического знания*, методологически проблематично. Но ряду психологов будет очень удобно использовать редукционизм для того, чтобы указывать, например, что в их работе решена психофизиологическая проблема, или чтобы вынести наконец проблему плюралистичных объяснений за рамки самой психологии (в контекст ее взаимосвязей с другими науками).

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 10-06-00416а.

Литература

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч.: в 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 50–155.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982а. С. 291–436.

Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 107–119.

Завершнева Е.Ю. Принципы неопределенности и дополнительности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заимствований // Вестник Моск. ун-та. Серия 14, Психология. 2001. N 4. С. 67–77. 2002. N 1. С. 75–80.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. 336 с.

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? / Человек в ситуации неопределенности. М.: Теис, 2007. С. 9–33.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. N 7. С. 109–125.

Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 165 с.

Канеман Д., Тверски А. Варианты неопределенности // Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения: пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 582–594.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений: пер. с польск. М.: Прогресс, 1979. 504 с.

Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. 2005. N 1. С. 7–17.

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003. 288 с.

Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. N 1. С. 140–150.

Корнилова Т.В. Идея саморегуляции в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского // Психология человека в современном мире: 120 лет со дня рождения С.Л.Рубинштейна. М.: ИП РАН, 2009. Т. 2, ч. 1. С. 30–40.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006. 300 с.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.

Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26, N 6. С. 87–101.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 81 с.

Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / под ред. Н.С.Плотникова, А.Хаардта. М.: Модест Колеров, 2007. 480 с.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М.: Академия, 2003. 496 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Культурная инициатива. 1992. Т. 1. 448 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2000. 312 с.

Прогресс психологии: Критерии и признаки / под ред. А.Л.Журавлева, Т.Д.Марцинковской, А.В.Юревича. М.: ИП РАН, 2009. 336 с.

Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У.Солдатовой, Л.А.Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. 176 с.

Психология и новые идеалы научности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. N 5. С. 3–42.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.

Соколова Е.Е. Нетерпимость толерантных (еще раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологических ориентациях психологии) // Вопросы психологии. 2008. N 3. С. 138–146.

Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Субъект и личность в психологии саморегуляции / под ред. В.И.Моросановой. Ставрополь, 2007. С. 181–194.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 304 с.

Эшби У.Р. Введение в кибернетику: пер. с англ. М.: Иностран. лит., 1959. 432 с.

Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27, N 1. С. 97–106.

[1] Принцип неопределенности как закон микромира был выведен этим выдающимся ученым исходя из корпускулярной теории, а Э.Шредингером – из разработки волнового аспекта бытия частиц в микромире. При этом с неопределенностью связывалась *невозможность полного познания объекта*, искажаемого мерностью измерительного устройства и, значит, влиянием познающего субъекта на выявляемые свойства.

[2] В 1997 г. на англ. языке вышла работа И.Пригожина «Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы», которая на русском языке опубликована в 2000 г.

[3] «Сценарий дальнейшего развития системы не может быть вычислен заранее, более того, эволюцию системы можно описывать только в таком пространстве, которое зависит от ее динамики, т.е. это пространство, или ландшафт будущих событий, также образуется в точке неопределенности» [Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 17].

[4] «К этому нужно добавить неоднозначность восприятия, многозначность слова, амбивалентность эмоций, множественность мотивов, ценностей, полифонию сознания, открытость образа, неопределенность развязки в борьбе мотивов, в соревновании и противоборстве познания, чувства и воли, происходящих в наших душах» [Зинченко, 2007, с. 7].

[5] Ею приводятся для краткой формулировки следующие слова Ф.И.Гиренока, которые выражают защищаемую ею позицию: «Сократа, Сенеку, Дж.Бруно можно было казнить за убеждения. Барта, Фуко или Делеза казнить не за что, они ни в чем не убеждены... сидят и тексты комментируют» [Соколова, 2008, с. 142].

Поступила в редакцию 1 апреля 2010 г. Дата публикации: 15 июня 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Корнилова Татьяна Васильевна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 5, 125009 Москва, Россия.
E-mail: tvkornilova@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 3(11).
URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг). 0421000116/0030.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)